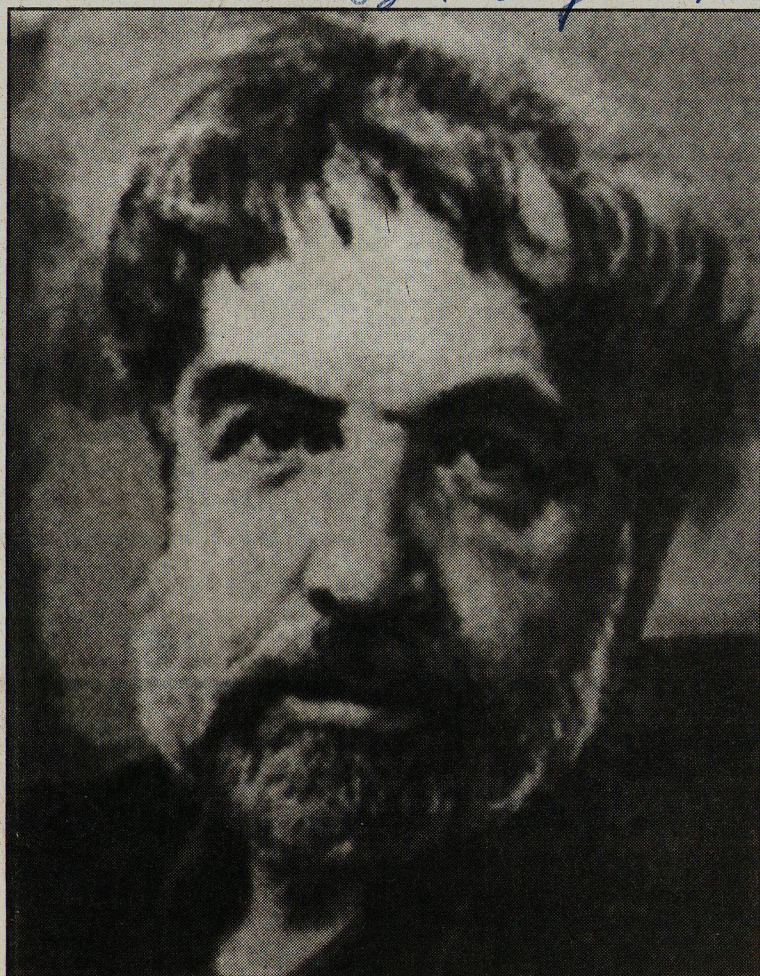

Веч. клуб - 1998 - 15 окт. - СД

Лет десять назад на полпути между Ленинградом и Москвой произошло крушение скоростного поезда «Аврора». В одном из вагонов того несчастного состава ехал Николай Андреевич Шилс. То ли время сгладило трагичность события, то ли врожденное чувство юмора позволяет с иронией вспоминать ситуацию, из которой он чудом вышел на удивление удачно, но сейчас о том происшествии он рассказывает чуть не со смехом. Из всех «личных» последствий крушения Шилса больше всего удивило невероятное обстоятельство: его всегда прямые волосы неожиданно начали виться. Сам он не может найти этому объяснения, и зная, что другим в это трудно поверить, Николай Андреевич для сравнения показывает свои фотографии «до» и «после». И, насладившись произведенным на собеседника впечатлением, завершает рассказ так: — Когда мои длинные прямые волосы стали кучерявиться, друзья, вспомнив прическу ливийского лидера, прозвали меня «Каддафи». Но с прошлого года эту кличку поменяли на «Немцова». Я же про себя подумал: если после каждой стрессовой ситуации его волосы принялись бы менять свой вид, им бы пришлось только и делать, что завиваться и развиваться. Ведь профессия художника в нашей стране — имею в виду все творческие профессии — всегда была достаточно стрессовой и требовала здоровья и нервов. Для

Вадим Сидур

БЫЛ ТАКОЙ СКУЛЬПТОР ЛЕМПОРТ СИДУР СИЛИС

Фото Игоря ИВАНДИКОВА

Николай Шилс и Владимир Лемпорт, 1998 год

поколения Шилса — тем более. Когда-то давным-давно их было трое: Владимир Лемпорт, Вадим Сидур и Николай Шилс. Их свела Строгановка, куда они поступили учиться в победном сорок пятом, едва она возобновила прием. В тот год в ее стены пришло поколение, по которому беспощадная война прокатилась особенно жестоко. Большинство только что вернулось с фронта, редко кто не был ранен или покалечен.

Самым старшим из троицы был Лемпорт, двадцатитрехлетний офицер, раненный под Сталинградом. Девятнадцатилетний Сидур оставил на фронте половину челюсти и после всю жизнь старался скрывать увечье под бородой. Война началась, когда Шилсу было всего тринадцать, так что он не попал под мобилизацию, однако война не обошла и его. Из Ленинграда мать проводила его в эвакуацию буквально накануне блокады города, и следующие почти четыре года Шилс пробыл с младшим братом у бабки в голодной деревушке под Вышним Волочком. А мать всю блокаду проработала в осажденном городе и выжила, как утверждает Николай Андреевич, только потому, что в канун войны они затеяли ремонт квартиры, для чего заготовили заранее целый ящик столярного клея. До ремонта дело не дошло, зато в самое голодное время клей стал дополнительным рационом, который спас ей жизнь. Было в биографии Шилса обстоятельство, которое осложняло жизнь: его отца Андриаса Шилса, красного латышского стрелка, в тридцатые годы, как и многих соотечественников по оружию, посадили, и до сих пор неизвестно, в каких лагерях он сгинул. Ну а клеймо сына врага народа в те годы калечило жизнь не хуже, чем пуля на фронте.

Вспоминаю об этом, чтобы стали более понятными их — Лемпорта, Сидура и Шилса — дальнейшая жизнь и творчество, их готовность, не задумываясь о последствиях, вязаться во всякие переделки. Помытые судьбой в молодости, они обрели напряженно-армированный каркас, который помогал выдерживать последующие удары. Впервые я увидел работы Лемпорта, Сидура и Шилса в самом начале шестидесятых. Нас, зритель тех лет, привыкших к помпезной тематике соцреализма, удивило обилие сюжетов, предложенных троицей, манера исполнения. Они умели рассказать обо всем: в одном случае глубоко, философски, а рядом — весело, с юмором. Они владели разной скульптурной техникой, творили в дереве, металле, камне, керамике. Рядом с портретами известных деятелей соседствовали жанровые сценки, декоративные тарелки и вазы. Новые формы, к которым в те времена еще не привыкли, выглядели смелыми и необычными. Меня всегда удивляет способность некоторых художников изображать натуру с фантастической точностью. Не глаз — объектив фотоаппарата с потрясающей разрешающей способностью. Если портрет — обязательно со всеми присущими только ему мелочами, до волосков на родинке, если листочек или цветок растения — то с прожилками, будто выполнялись наглядные пособия для ботанического кабинета.

Такая изощренность восхищала и оставляла равнодушным одновременно. Интересовало, не КТО и ЧТО изображал, а КАК это сделано. Технически.

У Лемпорта, Сидура и Шилса было иначе. Отталкиваясь от натуры, они выхватывали какую-то деталь, главную черту изображаемого и тут же уходили за границы примитивного правдоподобия, не смущаясь, преувеличивали, доводя порой до уродливо-комического масштаба. Но, как ни странно, от этого изображение человека обретало еще большую реалистичность. И главное — акцентируя внимание зрителя на чем-то, они вовсе не настаивали жестко на своей трактовке, а только как бы высказывали свое мнение, предлагали зрителю самому поразмыслить, правы ли авторы скульптуры. Зрителя уважали, ему доверяли и не загоняли в угол авторского суперреализма: воспринимай, мол, только так.

Еще что удивило при той первой встрече с молодыми скульпторами: под каждым произведением было три фамилии, поставленные в очередь согласно русскому алфавиту. — Лемпорт, Сидур, Шилс. Не верилось, что эти трое имели общее выражение лица. Такого просто не могло быть, по-

тому что за каждой работой угадывалась творческая индивидуальность. Творчество, как известно, — это создание чего-то нового, оригинального. Творческий человек — это прежде всего самостоятельная мыслящая личность, имеющая свой взгляд на вещи. Так что тройной псевдоним противоречил самой сути творчества. Такого просто не могло быть. И вот чуть не через сорок лет я спрашиваю об этом Николая Андреевича Шилса:

— Понятно, с самого начала у нас были общими только концепция и направление в искусстве, которые мы исповедовали, а дальше — каждый творил согласно своему вкусу. Но вторым нам было легче выдерживать натиск неприятеля. Вторым мы были сильнее. Наш «псевдоним» являлся дополнительной защитой. Но постепенно индивидуальность каждого брала свое, все заметнее чувствовалась «рука» со всеми вытекающими последствиями. Вместо одного скульптора с тройной фамилией мы получили трех — с тремя разными.

У Лемпорта и Шилса давно обшая мастерская — на двоих, в подвале бывшей котельной большого дома у метро «Багратионовская». Много работ. По манере можно сразу определить автора. Мне нравятся оба, хотя, думаю, каждый из них имеет свое мнение по поводу работ другого. Это естественно.

За те почти четыре десятилетия, прошедших с той поры, когда я увидел их впервые, они изменились в своем творчестве и... остались прежними: серьезными, вдумчивыми, смешливыми. Многие работы, не единожды опубликованные, показанные на выставках и потому хорошо знакомые, здесь, в мастерской, смотрятся совершенно неожиданно.

Для меня всегда оставался загадкой роденковский «Мыслитель». Более реалистическую скульптуру трудно придумать. Но попробуйте повторить позу этого могучего мужика: подбородок опирается на кисть правой руки, а ее локоть — на левое колено. Не удастся! Потому что нарушены пропорции человеческого тела. Но как смотрится!

Так и у них. В портретах Хемингуэя, Бора, Эйнштейна, Пастернака, Мигдала предельно гротесково подчеркнуты наиболее характерные черты, а получается потрясающе реалистично. Или сработанные в бронзе женские фигурки — пластичные, нарочито искаженные, но тем не менее такие правдивые лишь потому, что позволяют зрителю домыслить то, чего в них нет, стать соучастником. Скульптурные подделки, все более переполняющие Москву, все эти помпезные истуканчики и примитивные зверюшки никаких мыслей не будят и к сотворчеству не приглашают. Удивительно, рассматривая сейчас работы Лемпорта и Шилса, я все время ловил себя на том, что, как и четыре десятилетия назад, воспринимая их молодыми скульпторами. Инерция того давнего первого впечатления или необъяснимая абберация памяти? Не знаю. Достаточно прикинуть, сколько они наработали, — и не надо считать годы, все становится ясно и так. Но в том-то и дело, что впечатление оказывается сильнее беспристрастной арифметики. Наверное, это из-за неуловимого духа молодости, исторического имиджа. Владимир Лемпорт иллюстрировал «Божественную комедию» Данте. Иллюстрации прекрасные, чувствуется рука мастера. Но ему показалось мало. Стал переводить произведение великого итальянца. Перевел, издал. Обращаю внимание не на саму работу — перевод, которая далека от основной профессии скульптора, а на само желание и готовность выполнить ее. А ведь Лемпорту далеко за семьдесят. Взяться за то, что не принесет тебе ни славы, ни денег, подчинившись лишь желанию сделать, — кто готов повторить?

Шилсу семьдесят исполнилось этим летом. Спрашиваю, как отметил дату.

— Как всегда, — отвечает. — Мой день рождения совпадает с Пушкинским. И всем, кто приходит ко мне 6 июня, объясняю, что праздничный стол затеян в честь очередной даты любимого поэта. Многие верят, потому что я каждый год в этот день устраиваю застолье. Тем более что Пушкина действительно люблю.

Мальчишка? Или просто не хочет обременять друзей лишними хлопотами?

Я понимаю так: они все еще малы.

Леонид ПЛЕШАКОВ